

УДК 784 (470.6)
ББК 85.313 (235.7)
В 55
Л.А.Вишневская

К проблеме *ежью* в традиционных песнях черкесов и карачаевцев
(Рецензирована)

Аннотация:

Статья посвящена некоторым теоретическим аспектам изучения ансамблевой бурдонной партии *ежью* (*эжью*) в традиционном песенном многоголосии черкесов и карачаевцев. Устойчивость феномена *ежью* в певческой и, шире, в музыкальной культуре народов объясняется его генетической связью с материально-бытовыми праформами традиционной жизни, нашедшей фонетическое воплощение в разных сферах народного творчества. В статье раскрываются фонологические свойства *ежью* в контексте типологии и семантико-смыслового содержания бурдона.

Ключевые слова:

Традиционная многоголосная песня черкесов и карачаевцев, *ежью-эжью*, бурдон, антифонно-респонсорное пение, диафонное пение, бурдон-«педадь», бурдон-остинато, семантика, звук-фонема, звук-интонация, ассонантная лексика.

Бурдонный компонент традиционного песенного многоголосия встречается у черкесов (восточных адыгов) и карачаевцев (западной группы карачаево-балкарского этноса) – автохтонных народов Северного Кавказа, с XV века проживающих на территории современной Карачаево-Черкесии. Вокально-ансамблевый элемент (*ежью* черкесов и *эжью* карачаевцев) занял лидирующее положение в процессе комплиментарного взаимообмена культурными ценностями, дал прочные основы стилового пограничья в музыкальной культуре адыгских и тюркских народов Северного Кавказа. Феномен *ежью* (*жью*)-*эжью* получил научное обоснование в работах Т.Блаевой, Б.Ашхотова, А.Соколовой, М.Анзароковой, А.Рахаева на примере адыгской и карачаево-балкарской музыкальной традиции. В настоящей работе бурдонный компонент трактуется как надэтническая категория музыкального мышления, объединившая общетипологические и, особенно, – диалектные признаки ансамблевого пения черкесов и карачаевцев. (Музыкальным материалом исследования стали опубликованные и записанные автором песни бурдонной традиции).

Типологическая характеристика бурдона базируется на нескольких аспектах его изучения: онтологическом, семантическом, синтаксическом и композиционном. Остановимся на онтологическом и семантическом аспектах формирования *ежью-эжью*. Онтология бурдона определяется характером традиционного музицирования черкесов и карачаевцев. Его преобладающими чертами выступают темпоральность, зрелищность и состоятельность, динамика и повышенно-эмоциональный исполнительский тонус, непрерывное развитие внутри «заданного» регламента. Отсюда – пространственно-временные черты бурдона: непрерывность и дискретность, динамика и статика, движение и объёмность, «педадьность» и остинатная цикличность. «Педадь», в этом ряду, представляет весьма выразительное, но, в целом, частное пространственное преломление бурдона, обычно сопровождаемое включением иных его свойств. Расширенное толкование бурдонного компонента даёт возможность глубинно-функционального осмысления его типологии: **бурдон как данность** и **бурдон как принцип** (по аналогии с теорией формообразования В.П.Бобровского, в которой структурный аспект формы есть данность, а содержательный – есть принцип). «Педадьный» (или «педадьно»-мелодизированный) вид *ежью-эжью* воплощает свойства и функции бурдона-данности;

остинатно-мелодический – бурдона-принципа. Типологическое разделение бурдона находим и в фактурных видах певческого ансамбля: **антифонно-респонсорном** (бурдон-принцип) и **диафонном** (бурдон-данность). Эти виды ансамблевого сопряжения голосов обобщили певческую стилистику от архаики – до современности. Стилиевую «чистоту» обнаруживает антифонно-респонсорный (рефренный) ансамбль. Стилиевое смешение фактурных свойств «педали», стретты, антифонного «ответа» и рефрена в партии бурдона – характеризует диафонный ансамбль.

Семантический аспект изучения *ежью-эжью* тесно связан с **фонологической природой** певческого звука как основной интонемы бурдонной музыки. Звуковая семантика *ежью-эжью* не отягощена отношениями с миром субъективного и обращена к природным, хозяйственным, ритуально-обрядовым, инструментально-тембровым и коммуникативно-речевым праистокам фонологической индивидуальности бурдонного пения. Характер и вид бурдона определён сенсорными эталонами этнической культуры, «вмещёнными» в понятия динамики (повторяющегося антифонно-респонсорного бурдона) и статики (напряжённое «созерцание мира», естественный феномен резонирования «педального» бурдона). Остановимся на характеристике некоторых фонологических свойств бурдонной партии *ежью-эжью*, связанных с тембровыми, миметическими и коммуникативно-речевыми её истоками.

Тембровый контекст отражает традицию ансамблевого музицирования, синкретично связывающую инструментальный, вокальный и танцевальный тембры (последний подразумевает шумовые, ритмо-ударные фонации корпоромузыки, а также ритмоорганизующую роль бурдона, на подсознательном уровне воспроизводящего танцевальные «фигуры» оstinато, круга, цикла). Инструментально-тембровый прообраз бурдона подчеркнут невербальной сущностью *ежью-эжью*. Ансамблевая практика исполнительства «отобрала» инструментальную тембровость, вошедшую в совокупный этнослух народов. В походной жизни, когда «музыку возили с собой», функция инструментов должна была соответствовать ситуации и обстоятельствам их использования. Отсюда – прагматизм конструкции инструментов и процесса звукоизвлечения, сформировавшего представление о музыке как сигнале (бжамый), акцентно-динамическом движении (пхащыч, харс, доул), протяжённости звукового «потока» (шичапшина, джия кьобуз). Характеристика музыки, «извлекаемой» из этих инструментов, совпадает с «педально-органной» протяжённостью и оstinатной повторностью вокального бурдона. Инструментальная тембро-звуковая генетика бурдона не мешает яркому проявлению его певческих свойств: *ежью-эжью* – самый вокализованный жанровый компонент песен. Традиционный социум (с его культом предков, авторитетом старейшин, ролью мужских союзов) обусловил универсальность вокальной тембровости мужских голосов. Певческие составляющие голосового «орудия» (губы, гортань, связки) определили контраст речевых и вокализованных фонем, образовавших два вокально-тембровых пласта, рассредоточенных в партии солиста и в партии *ежью-эжью*. В связи с карачаевской традицией выдвигается гипотеза типологической близости «педально»-бурдонного пения карачаевцев и гортанно-обертонального пения саяно-алтайских народов Сибири и Приуралья. Такова, в частности, саяно-алтайская традиция исполнения эпических произведений, представляющая двузвучие, в котором один из звуков исполняется горлом и является неподвижным тоном, другой – исполняется губами и образует несложную мелодию в виде гудения, шипения, свиста. Звуко-акустическая близость гортанно-обертонального двузвучия алтайских тюрков и бурдонного пения карачаевцев позволяет оценивать фонологические свойства последнего в более широком генетическом контексте. В контексте ритуально-обрядовой культуры и коммуникативно-речевой практики выявляются **миметические и фонетические истоки** бурдона. Так, в изучении миметической («звукоподражательной» по Сетону-Томпсону) «техники» бурдона представляет интерес народное «самоописание» ансамблевого пения в термине *ежью*. Его корневую основу у разных кавказских народов

(жбы, жбу, жиу, жыу, жу, жуу, жау, – переводимые как «старый, бывший» и буквально означающие «неизменность, прочность») исследователи связывают с адыгскими языками. Именная форма термина имеет несколько музыкальных значений: припев, втора, подголосок, подпевка, вокальное сопровождение солисту в песнопении или инструментальному наигрышу. Эти значения отражают фактурные, формообразующие функции бурдона и никак не отображают его звуковую индивидуальность, к которой более приближена глагольная форма термина шIэжьыуэжу – подвывать. Любопытно, что знатоки адыгской певческой традиции, участвовавшие в беспрецедентной для отечественной этномузыкологии работе по расшифровке и научной подготовке объёмного корпуса адыгских песен к их изданию (сборники «Народных песен и инструментальных наигрышей адыгов» под ред. Е.В.Гиппиуса), – переводят ежьу (жбыу) как «все». На наш взгляд, в этом «обезличенном» переводе *ежьу* (*жбыу*), не согласующемся с функциональным определением верхнего голоса как солирующего, заложено понимание глубинных истоков ансамблевого пения (ритуал, обряд, монофоническое общинное пение) и его звукового качества (возгласное интонирование, громкостная динамика). Симптоматично восприятие ансамблевой партии этнофорами певческой традиции как «пение вместе». Данный смысловой нюанс выражает вековые устои коллективно-бессознательного в ансамблевом стиле музицирования, символом которого становится культура *ежьу-эжыу*. Фонетическая семантика термина выявляет древнейшую в языке адыгов суффиксальную фонему «жь» (произносимую певуче-шипяще, смягчённо), генетически связанную с движением, воссоздающую «жужжащее» звуковое пространство непрерывного трудового процесса (например, в бортничестве: традиционном виде хозяйствования по разведению пчёл – бжьэ, производству и собиранию мёда), а также важную в образовании слов-названий рыжего или красного цвета. Близкий смысловой ряд обнаруживают и другие «немузыкальные» слова, включающие фонему «жь»: жан-активный, жэн-бегать, жэр-бегун, емызэшыжу-вдали, жыжьэ-далеко(издалека), жьажьэ-медленный, жэуан-ответ, бжьэ-рог, жьэ-рот, жьыгьэ-старость, жбы-старый. Фонетический «жужжащий» образ черкесского ежьу совпадает с тюркским слуховым восприятием гортанно-обертонального пения как «дребезжания летящего жука» (Х.Ихтисамов).

Важнейшим **коммуникативно-речевым контекстом** формирования фонологических свойств бурдона становится лексика возгласов, междометий, призывов, криков, в традиционной культуре народов выражающих спектр различных смыслов (от подражания рыку зверя – до сублимации состояния радости и горя). Этот древнейший тип лексики стал «опознавательным знаком» традиции, средством создания экзальтированно-эмоциональной звуковой ауры [1: 272], психологическим компонентом ритуалов, обрядов и празднеств, фонетико-выразительным элементом поэтической лексики в песнях разного содержания. Партия *ежьу-эжыу* парадоксальным образом «переинтонирует» возгласную лексику на уровне звукового обобщения и создания вокального пласта песен. Иначе говоря, то, что в разговорной речи восклицается, кричится, – в песне поётся. Внутри стабильной группы восклицательной лексики выделяется слой ассонансов, составляющих основной вербальный текст *ежьу-эжыу* и своей фонетикой обусловивших напряжённо-эмоциональную звучность бурдона. Понятие «**ассонанс**» (созвучие гласных звуков, старинный тип стихосложения с неточной рифмой) адекватно отражает невербальную суть бурдона. Принятое в разных работах определение возгласной лексики как «несмыслонесущей», «асемантической», на наш взгляд, противоречит смысловой глубине и метафоричности музыкально-звукового «прочтения» фонетического текста песен. В адыгской традиции ассонантная лексика *ежьу* (*жбыу*) объясняется как компенсация невокальной речи солиста и удобство вокализации «несмыслонесущего» текста; как лексика, направленная на создание эмоционально-фонического пласта песен. Ассонантная лексика *эжыу* в карачаевской традиции обобщила звуковые особенности тюркского языка: фонетический силлабизм (инерция выстраивания созвучных фонем – а-о-у-ы – как по горизонтали, так и по вертикали, т.е. звук+звук вместо звук+слог); эвфонически

выверенную, вокальную и певчески запоминаемую речь. Скопление ассонантных лексем в партии *ежъу-эжыу* можно объяснить и «дыхательно-импульсивным» процессом общинного унисонного пения, предусматривающим жёсткую и, одновременно, несложную фонетическую организацию текста (воспроизводящего древнейшие гласные а, о, и в их первичной оппозиции а-и, или в виде контрастного сопряжения гласного и согласного звуков па, ма, ра, ри, да). Интересную версию происхождения ассонантной лексики выдвигает Б.Г.Ашхотов: «По сведениям многих авторов, в 1022 году произошло единоборство косожского богатыря Редеди с тмутараканским князем Мстиславом. Согласно фольклорным источникам..., для увековечивания памяти славного рыцаря Редеди народные песнетворцы заимствовали его имя в качестве хорового рефрена в величальной песне, получившего унифицированную форму записи как «Уаридадэ». По существующей лингвистической версии, «Уаридадэ» является сложным образованием, состоящим из двух простых слов уэрэд (песня) и Редадэ (собственное имя)» [2: 28]. Продолжая мысль исследователя, отметим, что распев слова уэрэд в адыгском *ежъу* или его фонетической трансформации (орайда) в карачаевском *эжыу* – сформировал главный музыкальный смысл бурдона, выступающего в знако-символическом значении «песня».

Бурдон как фонологическая «опозиционная пара» (К.Леви-Стросс) солисту раскрывает характерные звуковые черты этнического ансамблевого пения. В музыке *ежъу-эжыу* происходит самоутверждение звука как постоянной и самостоятельной единицы музыкального текста. Звук-фонема и звук-интонация осуществляют материализацию образных представлений, опредмечивают музыкальную интонацию через немзыкальный контекст. Разные контексты, значения и звуковые формы *ежъу-эжыу* образовали устойчиво-функциональный семантический слой песенной музыки. Связь музыкального и немзыкального контекстов в семантико-фонологическом содержании бурдона определила феномен *ежъу-эжыу* как музыкальной категории, не имеющей «знаков жанрового и стиливого отличий» [1: 166] в песенной традиции черкесов и карачаевцев.

Примечания:

1. Соколова А. Адыгская гармоника в контексте этнической музыкальной культуры. Майкоп, 2004.
2. Ашхотов Б.Г. Адыгское песенное многоголосие: Автореф. дис. ... д-ра искусств. М., 2005.